

О современной немецкой философии аргументации и месте в ней Х. Вольраппа

В. И. Чуешовⁱ

ⁱ Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Минск

Аннотация: В статье рассмотрен генезис и современное состояние немецкой философии аргументации. Показано языковое, идейное и идеологическое своеобразие традиции немецкой философии аргументации, сформированной И. Кантом. Раскрыто своеобразие философии аргументации Г. Динглера, представителей эрлангенской и франкфуртской школ, в особенности, П. Лоренцена, Ю. Хабермаса, К.-О. Ашеля, а также роль в ней Х. Вольраппа и гамбургского кружка.

Ключевые слова: философия аргументации, теория аргументации, радикальная теория аргументации, конфирмативная аргументация, транс-субъективность, практическая ориентация.

Введение

Несмотря на традиционно авангардные позиции немецкой философской мысли в интеллектуальном пространстве Западной Европы и мирового научного сообщества в целом, интерес в ней к природе и моделированию аргументации до сих пор недостаточно известен за пределами Федеративной Республики Германии.

На фоне современного активного внедрения в научную жизнь *Google Translate*, позволяющего более или менее уверенно преодолевать существующие в наши дни языковые барьеры такое положение дел сегодня представляется архаичным, несмотря на то, что языковой барьер на путях распространения немецкой философской мысли возник не сегодня и не вчера.

Во многом в силу данного обстоятельства, некоторые считающиеся сегодня образцами классики немецкие философские тексты вплоть до появления их переводов на другие национальные языки, прежде всего, английский, оставались не только неизвестными за пределами немецкого философского сообщества и узкого круга специалистов в других странах, но и существенно недооцененными.

И, наоборот, публикация переводов работ немецких философов нередко способствовала резкому росту числа их *почитателей*, влияя на мейнстрим развития мировой философской мысли.

По-видимому, не случайно, что и в наши дни в русскоязычной учебной и научной литературе философская классика обычно ассоциируется с именами не только древнегреческих, но и немецких философов, в особенности, И. Канта, его берлинских последователей и критиков, прежде всего Гегеля.

До сих пор сохраняющийся языковой барьер на путях рецепции немецких философских текстов в англосаксонском, франкофонном, русскоязычном и других национальных философских мирах серьезно сказывается на проблемном поле философских исследований в них.

Здесь в нашу задачу не входит рассмотрение проблемы немецкоязычного языкового барьера на путях развития философии, поскольку данный «барьер», очевидно, не ограничивается только переводом и его качеством. Автор «Феноменологии духа» сомневался, например, в возможности изложения его текста проще и по-французски. И. Кант в 1783 г. в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» также высказывал опасения, что их прототип «Критика чистого разума» (1881 г.) может быть истолкован неточно, т. к. И. Кант по собственному признанию не слишком заботился о языке ее изложения, торопясь с систематизацией за 4–5 месяцев мыслей, вынашивавшихся в течение 12 лет. Для него чтение философских работ отличалось от «перелистывания страниц», поскольку они адресовались «не для учеников, а для будущих учителей» (Кант, 1965). И. Кант, как и Гегель также отдавал себе отчет в инновационности текста «Критики чистого разума», уподобляя ее влияние коперниканской революции, т. к. работа была посвящена «совершенно новой науке, которой прежде ни у кого и в мыслях не было (все выд. мною. — В. Ч.)» (там же).

Кантовские и, в еще большей степени, гегелевские идейные новации, будучи упакованными в одежды немецкоязычного академического философского письма, нередко оценивались, как и не вполне осмысленные, и, во всяком случае стилистически неприемлемые даже философами носителями языка. Сошлемся в этой связи на оценки гегелевской философии А. Шопенгауэром, К. Поппером. Тяжеловесные языковые конструкции немецких философских текстов не сулили успеха и их издателям. По оценкам современного переводчика с немецкого на французский язык Ж.-П. Лефевра та же «Феноменология духа» была издана считавшимся по тем временам небольшим тиражом в 750 экз. и не переиздавалась (*Comment traduire les philosophes allemands? Entretien de Gerard Noiriel et Peter Schottler avec Jean-Pierre Lefebvre*, 1992).

Оставляя далее в стороне другие аспекты языкового барьера на путях распространения и рецепции идей немецких философов, отметим что они в значительной степени определили и судьбы немецкой философии аргументации, которая и сегодня проигрывает по известности аргументологическим концепциям, циркулирующим в англоязычном мире: и философии аргумента Ст. Тулмина (1958), и прагма-диалектике Амстердамской школы, и ставшей широко известной в 80-ых гг. прошлого века после перевода в 1969 г. на английский

язык работы бельгийских ученых Х. Перельмана и Л. Олбрехт-Тытеки «Новая риторика. Трактат по аргументации» (1958). С этой точки зрения и известное невнимание к современной немецкой философии аргументации также является как упущением, так и бедой нашего профессионального сообщества, заслуживающей внимания.

Не претендуя далее на обстоятельное изложение особенностей всей современной немецкой философии аргументации, ограничим свою задачу ее эскизом на примере идейных предпосылок и содержания философии аргументации гамбургского ученого Х. Вольраппа.

Ее выбор в качестве фокуса исследования определялся не только субъективными предпочтениями и обязательствами, но и еще двумя, связанными с особенностями преодоления немецкоязычного барьера обстоятельствами. Во-первых, перевод одного из самых последних по времени публикации немецких текстов по философии аргументации Х. Вольраппа «Понятие аргументов: взаимосвязь между мудрым познанием, убеждением, субъективностью и разумом» (в немецком оригинале: «Der begriff des arguments: uber die beziehungen zwischen wise, forschern, glauben, subjektivitat und vernunft» (Wolhrapp, 2008)) на английский был осуществлен очень оперативно, через шесть лет после публикации оригинала. Во-вторых, данный перевод, что нам показалось не менее поучительным, стал во многом возможным благодаря финансовой поддержке, специально созданного в современной Германии Фонда международных гуманитарных наук — фонда поддержки переводов в области гуманитарных и социальных наук.

Его учредителями были Немецкое *федеральное* бюро по международным делам, а также Fitz Tissen фонд, общество VG Wort и Ассоциация немецких книгоиздателей и продавцов. В современной Германии преодоление немецкоязычного барьера на путях популяризации философской мысли осуществляется с помощью механизма государственно-частного партнерства. Этот опыт, как представляется, можно было бы взять на вооружение и в постсоветском русскоязычном мире, а в Республике Беларусь и России его можно было бы и уточнить, например, в качестве составной части национально-государственной политики в сфере науки и культуры.

Очевидно, что в условиях современной глобализации переводы национальных философских и иных гуманитарных текстов на английский язык, с одной стороны, уже не должны быть личным делом их автора и(или) случая, а рассматриваться как элемент политики национального государства по укреплению его имиджа и сохранению собственной национально-государственной идентичности. С другой стороны, такие переводы не могут благотворно не сказываться и на самих оригинальных национальных философских текстах, которые благодаря распространению на них стандартов международного разделения научного труда, будут выигрывать в своем национальном содержании благодаря его упаковке в интернациональную форму. Это справедливо, по меньшей мере, по отношению к приведенному выше произведению Х. Вольраппа, название которого после перевода на английский язык стало по отношению к его интернациональному содержанию даже точнее, чем в оригинале: «Понятие аргументации. Философское основание» (“The concept of argument. Philosophical foundation”).

По меньшей мере для такого названия немецкоязычного оригинала оснований куда, как достаточно и сам автор, разъясняя замысел своего текста отмечал следующее. Его предметом является не одна из сегодня уже более, чем десятка *конкретно-научных* и(или) *междисциплинарных* теорий аргументации, но именно философия аргументации, или ее философские основания. Х. Вольрапп также прекрасно отдавал себе отчет в том, что число публикаций именно по философии аргументации и сегодня можно измерить, выразимся образно с помощью пальцев одной руки.

Именно с данным обстоятельством и связан наш интерес к современной немецкой философии аргументации, для именованной которой более предпочтительно было бы использовать не понятие философии аргументации, но, как мы уже показали, аргументологии, как философии теории и практики аргументации (Чуешов, 2016, с. 10–29). Вместе с тем, поскольку этого понятие не используется в немецкоязычной литературе, мы также далее его использовать не будем с тем чтобы избежать упреков в ее авторской модернизации.

В такой перспективе философия аргументации, или аргументология (с чем, по-видимому, мог бы и не согласиться Х. Вольрапп) все еще является в определенном смысле *terra incognita* современных исследований аргументации. Именно в том, собственно, и был убежден в 2008 г. Х. Вольрапп, отмечая, что в результате более, чем пятидесятилетней истории исследований аргументации в академической среде, они до сих пор представлены широким и неоднородным, иногда противоречивым фронтом работ, авторы которых не соглашались друг с другом даже относительно базовых схем аргументации (см.: Wolhrapp, 2014, p. v), а базовые схемы, или предельные основания теории и практики аргументации как раз и являются предметом аргументологии.

1 Традиции немецкой философии аргументации и место в ней Х. Вольраппа

Традиции немецкой философии аргументации своими корнями уходят в критическую философию И. Канта, его первый систематический ответ на знаменитый гносеологический вопрос о том, что человек может знать. Кенигсбергским мыслителем ответ на этот вопрос рассматривался как предварительное условие его ответа на другой уже практический, по существу этический вопрос о том, что он должен делать.

Для И. Канта ответ на этот вопрос, повторимся, был не теоретическим, а практическим ответом, т. е. ответом относительно самостоятельной по отношению к теоретической практической философии. Нельзя сказать, что различие теоретической и практической философии было немецкой новацией, поскольку оно реализовывалось еще в дискурсе Платона и Аристотеля, которые различали философию теоретическую, изобразительную и практическую. К слову сказать, античные корифеи включали в философию практическую не только этику, но и философию политики, государственного управления, экономики.

Что касается немецкой философии, то демаркация в ней теоретической и практической философии получила новое звучание именно у И. Канта, кото-

рый исходил из того, что именно практическая философия способна решать те вопросы, перед которыми пасовала философия теоретическая, стреноженная антиномиями чистого разума.

Содержание философии практической для Канта разворачивалось в ответе на вопрос, что человек должен делать, а ее высшим принципом было безусловное нравственное правило, категорический императив. Поскольку уже древние греки не ограничивали горизонты практической философии горизонтами этики, то и в послекантовской немецкой философии двадцатого века предпринимались попытки уже методологической интерпретации смысла вопроса о должновании человека. Оставляя здесь в стороне анализ особенностей неокантианской мысли, ограничимся замечанием о том, что одна из них, значимая в контексте нашего исследования принадлежала Г. Динглеру, который рассматривал практическую философию как в этическом, так и в конфирмативно-аргументологическом ключе.

Для этого немецкого ученого ответ на вопрос о том, что *должен делать человек* трансформировался в вопрос о том, что он должен делать *в качестве субъекта обоснования*. Обоснование, как известно, является одной из форм аргументации. Аргументация-обоснование, или конфирмативная аргументация имеет высокое практическое значение для человека, нередко вынужденного действовать в условиях дефицита знания, но при этом старающегося отдавать себе отчет в предпосылках и основаниях своих действий.

В отечественной литературе до сих пор творчество Динглера как попытка выявить основания абсолютной этики науки, или, выражаясь иначе, прояснить морально-практические особенности природы конфирмативной аргументации еще не привлекало к себе внимание.

Критически переоценив возможности консенсуса в поиске единственно надежного обоснования в науке Г. Динглер склонялся к выводу в духе Канта и Фихте о том, что источником абсолютного обоснования должна быть сама человеческая деятельность. На языке классической немецкой философии эта мысль формулировалась следующим образом: источником абсолютного обоснования должна быть практика, как волевое моральное поведение.

Общую теорию абсолютного обоснования Г. Динглер назвал методической философией, рассматривая ее как развитие представлений не только И. Канта, но и В. Дильтея.

В динглеровской методической философии базовым считалось в духе Дильтея отношение жизненного мира, как «нулевая точка отсчета обоснования. Ее Г. Динглер называл нетронутым, полагая, что «„нетронутое"» есть «... такое состояние в отношении между „Я" и миром, которое может вводиться произвольно (выд. мною. — В. Ч.) в любой момент времени» (Dingler, 1949, S. 20).

В методической философии аргументации Г. Динглера рассматривался метод конструирования абсолютного обоснования. Это оказало серьезное влияние на последующую немецкую философию аргументации, никогда не упускавшей из вида, что абсолютное обоснование (абсолютная конфирмативная аргументация) крайне востребована в науке и жизни в качестве надежного якоря, *фундамента* всей «деятельности и мышления человека» (Шишков, 2003).

Динглеровская ориентация философии аргументации на поиски абсолютного обоснования была не только продолжением и развитием традиции кантовской практической философии. Исторически она была продуктом идеологическо-интеллектуальных особенностей жизни послевоенной Германии, в которой слишком хорошо была известна цена такого абсолютного обоснования, сила которого опиралась на мнение большинства. Здесь мы не можем не согласиться с мнением Х. Вольраппа, который, правда, по другому поводу, уместно разъяснял, что абсолютное обоснование, базирующееся на мнении большинства иногда, как это имело место в нацистской Германии, выступает оправданием как несправедливого управления, так и расистской морали.

Конечно, нельзя сказать, что потребность в абсолютном нравственном обосновании в рамках практической философии всегда не реализуема, поскольку это зависит от выбора для него определенных аргументологических оснований. Может быть несколько модернизируя рассматриваемую немецкую аргументологическую традицию, в том числе и ее оценки Х. Вольраппа, заострим здесь внимание на влиянии Динглера на эрлангенцев. Именно в Эрлангенском университете еще в 70-ые гг. прошлого века сложилась оригинальная школа философии науки, получившая название эрлангенской, в которой интересующие нас вопросы философии аргументации активно рассматривались.

Родоначальниками и лидерами этой школы стали в начале 70-ых гг. XX в. П. Лоренцен (1915-1994) и В. Камлах.

В контексте нашего исследования уместно заметить, что школьным учителем Лоренцена был знаменитый Д. Гильберт, университетским наставником известный математик Х. Хассе, а сам П. Лоренцен был одним из первых сторонников идей аналитической философии в Германии (не только Г. Фреге, но и Б. Рассела, Л. Витгенштейна).

В Эрлангенском университете с 1962 г. П. Лоренцен стал активно сотрудничать с В. Камлахом, учеником авторитетного М. Хайдеггера. Уже через 5 лет в 1967 г. П. Лоренцен и В. Камлах опубликовали совместно «Логическую пропедевтику», имевшую непосредственное отношение к философии аргументации.

В ней они представили эскиз практической философии как методологии взаимодействия человека с миром посредством слов и действий. Известно, что впоследствии этот эскиз перерос в программу конструктивистской эпистемологии, или конструктивистской философии науки, в которой активно обсуждались вопросы не только игровой семантики, физических прототипов, но также и аргументации и др. Эрлангенцы были убеждены в том, что существует непосредственная связь между стандартами научности определенной науки (логики, математики, физики) и рациональными принципами аргументации в ней, при том, что источником рациональности аргументации, по их мнению, является сама практика научного исследования.

Совместно с К. Лоренцем П. Лоренцен также разрабатывал, непосредственно относящиеся к предмету философии аргументации идеи диалогической логики, в которой логические истины рассматривались как выигрышные страте-

гии диалога, а кантовский категорический императив, по тонкому замечанию Х. Вольраппа, был трансформирован в принцип *трансубъективности*.

Согласно эрлангенцам, прагматика диалога нормируется правилами структурными, не зависимыми от контекста и связанными с презумциями диалога, как априорными социальными соглашениями его участников относительно обсуждаемых в нем проблем и специальными правилами контекста аргументации.

Формальная диалогическая модель аргументации П. Лоренцена и К. Лоренца моделировала прагматику диалогической игры между пропонентом и оппонентом, а совокупность пропозиций, позволявших выиграть в игре считалась рекурсивно исчислимой с помощью интуиционистской логики генценовского типа.

Идеи прагматической семантики подталкивали эрлангенцев к выводу о том, что формальная логика является прагматической по своей природе, и в ней определенный образ человека аргументирующего задается априорно. Расшифровку природы этой априорности они осуществляли с помощью прагматики, прагматического поворота и в математике, и в логической пропедевтике (Лоренцен, Камлах), и в диалогической логике. В последней выявлялись структурные правила диалога. На их основе происходило «выдвижение и отклонение аргументов, приводящих к "выигрышу" или к "проигрышу" . . . », утверждалось, что «та общающаяся сторона, которая не может или не хочет выставить аргумент, как только до нее дойдет очередь, считается проигравшей, а ее противник считается выигравшим дискуссию» (Демьянков, 1984, с. 153). С помощью данных правил формулировался основной закон диалогической логики П. Лоренцена и другие ее положения об использовании элементарных пропозиций и предикатов.

Другие прагматические аспекты принципа трансубъективности П. Лоренцен уточнял совместно с Ю. Миттельштрассом, О. Швеммером, П. Янихом и др. авторитетами эрлангенской школы. Неудивительно, что и Х. Вольрапп как воспитанник данной школы, по его собственному признанию, в области философии аргументации в первую очередь опирался на идеи К. Лоренца и П. Лоренцена о предикативном правиле и трансубъективности как *практической ориентации человека*, попутно отмечая наличие белых пятен в их эрлангенской интерпретации. При этом он критически оценивал развитие эрлангенских традиций в философии аргументации у Ф. Камбартела и У. Берка.

Помимо эрлангенцев в немецкой философии аргументации не менее значимо влияние идей еще одной знаменитой немецкой философской школы прошлого века: франкфуртской. Прежде всего таких известных представителей ее среднего поколения, непосредственно рассматривавших предмет философии аргументации, как Ю. Хабермас и К.-О. Аппель.

Ю. Хабермас начинал свои философские штудии с аргументации необходимости различения двух видов действия: инструментального, в котором цель и средства связывались причинно-следственно и коммуникативного. Апологетами инструментального действия, или философии сознания, модернизации, как рационализации были и М. Вебер, и Д. Лукач и старшие франкфуртцы, в особенности Т. Адорно.

В хабермасовской новаторской теории коммуникативного действия, а также консенсусной концепции истины и дискурсивной этики, как представляется, в конечном счете решалась сходная с кантовской задача выявления предельных рациональных оснований человеческого существования. В ней, так же, как и у И. Канта человек рассматривался не в качестве средства, но как цель и ценность, достойная признания со стороны другого. Аргументологическая рефлексия была призвана помогать вскрывать бедность программы инструментализма, на основе которой политика, например, сводилась к перераспределению материальных благ, а жизненный мир человека примитивизировался. В качестве теоретика и идеолога коммуникативного действия Хабермас постоянно подчеркивал важность прав человека, его индивидуальной реализации, включенности в социальное пространство, что не могло быть реализовано без идейного переосмысления роли и значения аргументации как способа бытия человека.

Именно с помощью аргументации, учил Хабермас, человек обосновывает и критикует свои и чужие поступки, демонстрирует способность к просвещению и обучению, и, следовательно, теория аргументации должна обеспечивать обоснование аргументации не только как совокупности речевых актов, но и бытия человека.

Центральным аргументологическим элементом хабермасовской теории коммуникативного действия был конструкт идеальной речевой ситуации. Для Хабермаса человек был не только, как для Канта человеком познающим, действующим, любящим, но и человеком разговаривающим, или, как его бы назвал М. М. Бахтин, человеком диалогическим. В таком качестве его бытие необходимо было освободить от негуманности иного, чем аргументационное насилия, обеспечить равенство статусов участников разговора (диалога) и их свободу. Реализация данных требований с помощью аргументации была затруднительна без разработки теории консенсусного достижения и сохранения истины прежде всего в политике, гуманитарном знании и морали, разработки идей дискурсивной этики.

Неоднородность видов знания связывалась Хабермасом не только с преимущественным использованием определенных речевых актов, но и с разными по качеству своей рациональности типами аргументации.

Основанием телеологического действия была истина, а критерием его валидности эффективность, а также технологии и стратегии. Констативные речевые акты, по его мнению, хотя и были связаны с истиной, но в большей мере ориентировались на понимание и обеспечение самой возможности диалога, что предполагало использование определенной онтологии языка. Другое качество рациональности коммуникативного действия Ю. Хабермас соотносил с нормами, критериями правильности морально-практического знания. По его мнению, морально-практическая аргументация ее участниками может проверяться как относительно правильности, использованной в ней конкретной нормы, так и с точки зрения правильности самой нормы.

Что касается рациональности такого вида коммуникативного действия, как действие драматургическое, то ее Ю. Хабермас выводил из субъективности актора, его обмана и самообмана, устранить которые можно было с помощью ар-

гументации терапевтического диалога. Основаниями рациональности данного диалога были не истины, понимание, правильность, а ценности, выражающие потребности, интересы, эмоциональные установки субъекта, или, если хотите, его правду. Способом существования драматургического действия и манифестаций его рациональности, по мысли Ю. Хабермаса, были единичные художественные артефакты, и, в конечном счете, сфера искусства, эстетического.

Как мне представляется, не будет чересчур сильным преувеличением утверждение о том, что хабермасовская типология рациональности коммуникативного действия была не только вариацией на тему знаменитых кантовских вопросов о том, что человек может знать, должен делать, на что надеяться и, наконец, что такое он сам, но и ее расширением за счет введения в философской анализ проблем языка (речи), коммуникации и, подчеркнем это специально, аргументации.

В хабермасовской теории коммуникативного действия ответы на кантовские вопросы уточнялись не только с помощью конструкции идеальной речевой ситуации, консенсусной теории истины и принципов дискурсивной этики, но и определенной и все еще недостаточно изученной философии аргументации.

Не раскрывая далее ее других особенностей, здесь ограничимся замечанием о том, что хабермасовская ориентация на презумпции идеальной речевой ситуации гарантировала ненасильственный речевой характер взаимоотношений участников коммуникации, их равноправие и свободу, как предпосылок обретения ими консенсуса и свидетельство истины, правильности, правды, а технологии дискурсивной этики помогали найти надежные основания для практических действий (нравственных, политических, управленческих) человека. При этом, как подчеркивал Х. Вольрапп, нельзя сказать, что представители среднего поколения франкфуртцев были солидарны между собой относительно природы надежных оснований нравственных, политических, управленческих действий человека, а работы таких сторонников франкфурского подхода, как Алески и Коппершмидт выдерживали все критические оценки гамбургцев.

Уже приведенные нами выше критические замечания Х. Вольраппа об аргументологических идеях эрлангенцев и франкфурцев, позволяют вполне резонно полагать, что в ряду философии аргументации Динглера, эрлангенцев и франкфуртцев находится и философия аргументации Х. Вольраппа, заслуженного профессора кафедры философии эмитариуса Гамбургского университета. Она, также, как и аргументологические представления эрлангенцев и франкфуртцев воспроизводила важнейшие особенности немецкой философской традиции поиска аргументационных оснований практической философии, к чему, собственно, и призывал еще И. Кант.

Акцентируем внимание на том, что сам Х. Вольрапп не только следовал, но и критически уточнял эту традицию, например, обращая внимание на неоднородность принципов франкфуртской дискурсивной этики, в которой позиции Хабермаса и Апделя существенно отличались друг от друга.

Апдель, по оценке Вольраппа, занимался поиском трансцендентально-прагматического абсолютного основания, тогда, как Хабермас склонялся к признанию оснований коммуникативного Разума, если использовать терминологию

Ст. Тулмина, разума с большой буквы. Х. Вольрапп, как верный последователь идей эрлангенской школы, также беспристрастно и объективно фиксировал не только ее сильные стороны, но и ограниченности в поиске надежных оснований аргументации морали, политики, управления.

В своей философии аргументации Х. Вольрапп, например, справедливо уточнял, что тот же Ю. Хабермас не только опирался на представления Ст. Тулмина, но и шел дальше последнего, полагая, что «аргументация являлась коммуникативным действием, связанным с вербальным испытанием и реализацией валидности тезисов, которую следует понимать рефлексивно, т. е. не только на уровне объекта, но и на мета уровне» (Wolhapp, 2014, p. xii).

В этом пункте, по мысли Х. Вольраппа, пролегало отличие немецкой аргументологической мысли, с одной стороны, с ее установками на автономию разума, и, например, фальсификационизмом К. Поппера, в котором прописывались особенности рациональности рассуждений в науке, при том, что в сфере политики и морали действия человека, в конечном итоге, по мысли Вольраппа, попперианцами трактовались иррационалистически.

В этой связи уместно сделать отступление, отметив, что в современной аргументологии попперовский фальсификационизм, а также критический рационализм может оцениваться и иначе, чем Х. Вольраппом. Так он оценивается, например, в формальной диалектике голландских ученых Э. Барт и Э. Краббе и в прагма-диалектике амстердамской школы, в которых используется процедурная модель рациональности аргументации, т. е. в качестве критерия валидности аргументации рассматривается ее соответствие определенным коммуникативным правилам. Однако, и здесь, как нам представляется, следует, скорее, согласиться с Х. Вольраппом вопрос об обоснованности таких правил нередко оказывается по ту сторону философской рефлексии, что не было приемлемо для традиций немецкой философии аргументации.

Со своей стороны, мы заостряем, поэтому, внимание на других аспектах рациональности аргументации, которые уже были раскрыты отечественными специалистами В. Л. Васюковым, Е. Н. Шульгой, Е. Н. Лисанюк, И. Н. Герасимовой, И. Б. Микиртумовым и др.

Представляется, что жестко не связанные с правилами коммуникации важные стороны рациональности аргументации верно подчеркивались, например, Е. Н. Шульгой, которая обосновывала представление о том, что теория аргументации является практической философией в том смысле, что выявляет мировоззренческие и методологические основания наших ориентаций в мире (Шульга, 2016, с. 69–76). В. Л. Васюков не менее справедливо концентрировал внимание на том, что требования рациональности аргументации являются достаточно широкими, и могут поверяться принципами неклассической формальной логики. В рамках этой логики, по его мнению, можно различать такие виды аргументации, как интуиционистская, релевантная, модальная алетическая, деонтическая, эпистемическая, темпоральная, многозначная, паранепротиворечивая, а также не-фрегевская аргументации.

В не-фрегевской аргументации, уточнял В. Л. Васюков, ссылаясь, к примеру, на работы польского исследователя Р. Сушко, различают «логическую экви-

валентность и тождественность утверждений» (Васюков, 2001). В. Л. Васюков предложил собственную версию не-не-фрегевской логики в качестве ответа на критические оценки такой логики со стороны польского ученого Р. Вуйцицкого и норвежского специалиста Д. Фоллесдейла.

Важные когнитивные аспекты рациональности аргументации отмечала и Е. Н. Лисанюк, развивая идеи, связанной с использованием формализмов концепции абстрактной аргументации Ф. мин Данга в своей логико-когнитивной теории аргументации (Лисанюк, 2015).

Возвращаясь к философии аргументации Х. Вольраппа, отметим, что ее идейные источники не ограничивались традициями немецкой философской мысли. Они также базировались на классических представлениях об аргументации Аристотеля, который, по оценке немецкого ученого разработал такие базисные основания аргументации, как логика, топика, риторика, а также знание и теория, знание и убеждение (Wolhrapp, 2014, p. 389).

Х. Вольрапп, поэтому, подчеркивал, что до тех пор, пока теория аргументации будет заниматься спецификой подтверждаемости эпистемической теории, открытые еще Аристотелем, ее философские основания будут сохранять свою силу (*ibid.*).

В собственной философии аргументации Х. Вольрапп, конечно, не ограничивался критическим использованием принципов эрлангенцев и франкфурцев, отдавая должное идеям других немецких: Г. Гетмана, Й. Кошпершмидта, австрийского: М. Кейнпонтера исследователей. Будучи приверженцем общей стратегии изучения аргументации в немецкой философии, заданной еще Кантом и Гегелем и поддерживаемой М. Хайдеггером, а также франкфуртцами и эрлангенцами, Х. Вольрапп не упускал из вида новации английской и французской классической философии, в особенности, Ф. Бэкона, Ж.-Ж. Руссо.

Что же касается идей Ч. Пирса и Д. Дьюи — классиков американского прагматизма, а также У. Куайна, Х. Патнема, Р. Рорти, Дж. Серля, Т. Куна и др. его современных авторитетов, то в отличие от некоторых других немецких специалистов, он в своей философии аргументации не только демонстрировал глубокую осведомленность в их содержании, широко использовал намеки о возможности их творческого использования в рамках немецкой аргументологической традиции.

Например, вслед за Т. Куном, делившим науку на нормальную и революционную, Х. Вольрапп различал нормальную и радикальную теорию аргументации, использование которой связывалось им с утратой традиционной теорией аргументации чего-то существенного.

Сохраняя приверженность немецкой традиции, в философии аргументации Х. Вольраппа уделялось значительное место проблемам транссубъективности, в особенности, признания Другого. Именно они, по мысли Х. Вольраппа, заслуживали наибольшего внимания в случае дальнейшего развития его философской концепции аргументации.

Аналитически переосмысливая немецкую традицию, Х. Вольрапп раскрывал трансцендентное ядро теории аргументации, уточняя горизонты видения

аргументации М. Кейнпонтером, Й. Коппершмидтом, представителями эрлангенской и франкфуртской школ.

Заключение

Взятая вместе с представлениями его учеников (объединенных в гамбургском кружке по изучению аргументации), наиболее известным из которых был Г. Лу-кен, опубликовавший, начиная с 1992 г. несколько монографий на немецком языке о теории аргументации, в том числе «Формы аргументации» (2000) и др. (Lueken, 1992), философия аргументации Х. Вольраппа, как мне представляется, является оригинальной и поучительной страницей современной немецкой философии аргументации.

В этой философии был последовательно реализован прагматический подход к знанию, а аргументация трактовалась как выбор человеком практической ориентации, основой которого была определенная концепция субъективности (интер- и транс-), как технология инсайта. Можно согласиться с самооценкой Х. Вольраппа, что в его философии аргументации умело преодолевались одно-сторонности обоснования (оправдания) некоторого тезиса с помощью как джастификации (подтверждения), так и критики (возражений и опровержений), аргументационный вывод плодотворно связывался с фокусировкой, интерфейсом теории и практики, дифференцировались материальное, субъективное, процедурное и структурное измерения диалога, линейная и ретрофлексивная аргументация, рассматривалась теитическая аргументация и валидность и последовательно отстаивались ценности плюрализма.

Очевидно, что обстоятельное и специальное изучение указанных выше и других аспектов философии аргументации Х. Вольраппа и не только в русскоязычном философском дискурсе должно быть продолжено, и относительно данной философии, исследование которой сегодня еще только-только начинается, еще рано выносить окончательный вердикт.

Каким бы он, в конечном счете не оказался, уже сегодня бесспорно, что философия аргументации Х. Вольраппа является оригинальной концепцией, оказывающей серьезное влияние на современную немецкую философию аргументации. Ее введение в активный русскоязычный научный оборот будет существенно способствовать дальнейшему углублению отечественных аргументологических исследований.

Список литературы

- Васюков В. Л.* О не-фрегевской аргументации // Теория и практика аргументации / под ред. И. Н. Герасимовой. — М. : DirectMedia, 2001. — С. 130–143.
- Демьянков В. З.* Коммуникативное воздействие на структуру сознания // Роль языка в структурировании сознания. Ч. 1. — М. : Институт философии АН СССР, 1984. — С. 138–161.

- Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Соч. в 6-ти тт. Т. 4. — М. : Мысль, 1965. — С. 66–210.
- Лисанюк Е. Н.* Логико-когнитивная теория аргументации : дисс. на соиск. учен. степ. докт. филос. наук: 09.00.07 / Лисанюк Е. Н. — СПб, 2015.
- Чуешов В. И.* Об ориентирах аргументологии в информационном обществе // Рацио.ru. — 2016. — Т. 17, вып. 1. — С. 10–29.
- Шшиков И. З.* В поисках новой рациональности: философия критического разума. — М. : Эдиториал УРСС, 2003.
- Шульга Е. Н.* Теория аргументации как «практическая философия» // Рацио.ru. — 2016. — Т. 17, вып. 1. — С. 10–29.
- Comment traduire les philosophes allemands? Entretien de Gerard Noiriel et Peter Schottler avec Jean-Pierre Lefebvre // Geneses. — 1992. — No. 2. — P. 150–162.
- Dingler H.* Grundriß der methodischen Philosophie. Die Losungen der philosophischen Hauptprobleme. — Fussen, 1949.
- Lueken G.-L.* Inkommensurabilität als Problem rationalen Argumentierens. — Stuttgart-Bad Cannstatt : Fromann-Holzboog, 1992.
- Wolhrapp H.* Der begriff des arguments. Uber die beziehungen zwischen wise, forschon, glauben, subjektivitat und vernunft. — Wurzburg : Konigshausen & Neumann, 2008.
- Wolhrapp H.* The concept of argument: a philosophical foundation transl / trans. by T. Persson, M. Weh. — Heidelberg, New York, London : Springer, 2014.

Об авторе

Виктор Иванович Чуешов — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, tchoue@mail.ru.

Contemporary German philosophy of argument and H. Wolhrapp

Viktor Tchouechovⁱ

ⁱAcademy of Public Administration
Minsk

Abstract: The article analyses genesis of German philosophy of argumentation and its contemporary state. Language, methodological and ideological peculiarities of German philosophy of argument are traced to Kant's formative influence. The author shows the main peculiarities of H. Dingler, as well as the representatives of Erlangen and Frankfurt schools of philosophy of argumentation, especially concepts of P. Lorenzen, J. Habermas, K.-O. Apel, and H. Wolhrapp as the leader of Hamburg group.

Keywords: philosophy of argument, argumentation theory, radical argumentation theory, confirmative argumentation, transsubjectivity, practical attitude.

References

- Chueshov, V. I. (2016). "Ob orientirakh argumentologii v informatsionnom obshchestve [On the orientations of argumentology in the information society]". *Ratio.ru*, vol. 17 (1), pp. 10–29.
- "Comment traduire les philosophes allemands? Entretien de Gerard Noiriel et Peter Schottler avec Jean-Pierre Lefebvre" (1992). *Genesis*, no. 2, pp. 150–162.
- Dem'yankov, V. Z. (1984). "Kommunikativnoe vozdeistvie na strukturu soznaniya". In: *Rol' yazyka v strukturirovaniy soznaniya [The role of language in the structuring of consciousness]*. .1. Moscow: Institut filosofii AN SSSR, pp. 138–161.
- Dingler, H. (1949). *Grundriß der methodischen Philosophie. Die Losungen der philosophischen Hauptprobleme*. Fussen.
- Kant, I. (1965). "Prolegomeny ko vsyakoi budushchei metafizike, mogushchei poyavit'sya kak nauka [Prolegomena to any Future Metaphysics]". In: *Soch. v 6-ti tt*. Vol. 4. Moscow: Mysl', pp. 66–210.
- Lisanyuk, E. N. (2015). "Logiko-kognitivnaya teoriya argumentatsii [Logic-cognitive theory of argumentation]". diss. na soisk. uchen. step. dokt. filos. nauk: 09.00.07. Saint Petersburg.

- Lueken, G.-L. (1992). *Inkommensurabilität als Problem rationalen Argumentierens*. Stuttgart-Bad Cannstatt: Fromann-Holzboog.
- Shishkov, I. Z. (2003). *V poiskakh novoi ratsional'nosti: filosofiya kriticheskogo razuma [In Search of New Rationality: Critical Mind Philosophy]*. Moscow: Editorial URSS.
- Shul'ga, E. N. (2016). “Teoriya argumentatsii kak «prakticheskaya filosofiya» [The theory of argumentation as “practical philosophy”]”. *Ratsio.ru*, vol. 17 (1), pp. 10–29.
- Vasyukov, V. L. (2001). “O ne-fregevskoi argumentatsii”. In: *Teoriya i praktika argumentatsii [Theory and practice of argumentation]*. Ed. by I. N. Gerasimovoi. Moscow: DirectMedia, pp. 130–143.
- Wolhrapp, H. (2008). *Der begriff des arguments. Über die beziehungen zwischen wise, forschen, glauben, subjektivitat und vernunft*. Würzburg: Königshausen & Newmann.
- (2014). *The concept of argument: a philosophical foundation transl.* Trans. by T. Persson and M. Weh. Heidelberg, New York, London: Springer.

About author

Prof. Dr. *Viktor Tchouechov*, Department of Philosophy and Ideology of the Academy of Public Administration, Minsk, Belarus, tchoue@mail.ru.